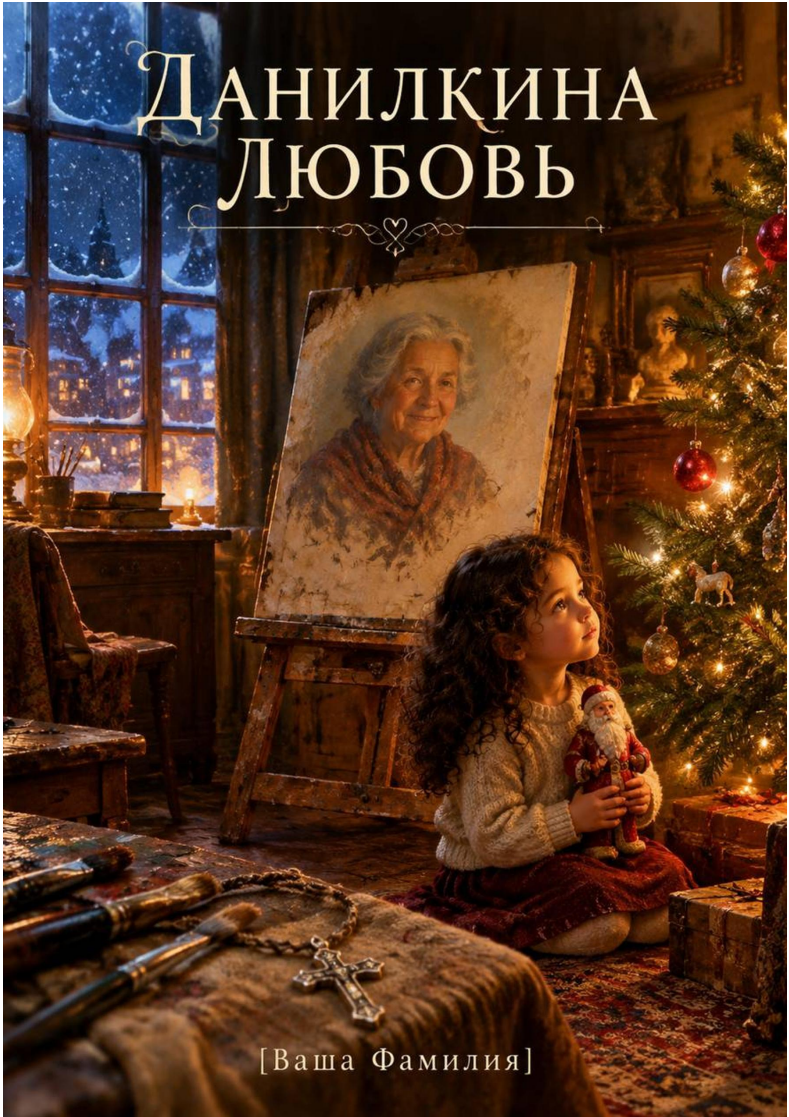

Данилкина
Любовь
[Ваша Фамилия]

Филатова Филатова
Данилкина любовь

https://litres.ru/74694082
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцативосьмилетний художник Данила теряет единственного близкого человека — бабушку, заменившую ему родителей. Оставшись один, он встречает на Арбате Марину — загадочную красавицу, ставшую его музой. Но эта любовь приносит ему не счастье, а раздробленную кисть руки, отчаяние и попытку уйти из жизни.

Спасают его случайные люди в больничной палате: умирающий парень Илья, монашка матушка Прасковья и маленькая сиротка Камилла, которую он обещает забрать из детдома. Через веру, боль и кропотливый труд Данила заново учится держать кисть и жить.

История о том, что любовь бывает разной — страстной и спасительной, и что семья — это не только кровь, но и те, кто пришел в твою жизнь, чтобы спасти.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Филатова
Данилкина любовь

Глава 1

За поминальным столом, который стоял в гостиной, сидели в основном пожилые люди — ветераны войны, ветераны тыла. Все те, кому когда-то помогла Данилина бабушка Валерия Власовна. Соседи по дому, которые уважали бабушку, — она была старшей по подъезду.

Тётя Поля, среднего роста, лет пятидесяти пяти, женщина прямолинейная, могла всё сказать тебе в глаза, что думает. Она у них работала уже лет десять — как только бабушке стало трудно вести хозяйство. Кого-то Данила в лицо знал, кого-то видел впервые. Он отрешённым взглядом смотрел на них. Они по очереди вставали и вспоминали ушедшую на семьдесят шестом году жизни в другой мир его бабушку. Говорили только хорошее — о её добром сердце, благодарили судьбу за встречу с таким человеком. И всё в прошлом — одни воспоминания.

Только Даниле, двадцативосьмилетнему внуку Валерии Власовны, от их слов легче не было. Он сидел, втянув шею

в плечи. Волосы до плеч были собраны и перетянуты резинкой. Был он рослый, под метр восемьдесят, но за столом выглядел растерянным подростком. Перед ним стоял стакан с киселём и тарелка, на которой лежал блин. Данила ни к чему не притрагивался, так как не мог осознать и не хотел верить всему тому, что происходило здесь, в бабушкиной квартире. Все они здесь, а её нет и не будет.

По квартире бегали друг за другом двое детей: мальчик лет пяти, раскрашенный зелёнкой, — внук тёти Поли, и девчушка лет четырёх — тоже, наверное, внучка кого-то из пришедших ветеранов. Своим присутствием они как бы напоминали всем сидящим за столом, что жизнь-то продолжается.

Народ стал расходиться. Тётя Поля начала убирать со стола.

— Ты бы, милок, блинчик-то съел и киселёк выпил, — обратилась она к Даниле. — И не возражай, надо бабушку помянуть, обычай такой.

Он через силу выпил кисель и скушал один блинчик.

— Тётя Поля, вы сегодня, пожалуйста, не оставляйте меня одного.

— Ладно, милок. Только и Сергунька со мной здесь останется, а то в садик ему нельзя — приболел он, вот и приходится с ним возиться.

По комнате бегал Сергунька, восседая на палке с головой лошади. Данила, завернувшись в бабушкин плед, прилёг на диван. Он лежал и смотрел на бабушкин портрет, а она смотрела на него — как когда-то позировала ему, когда он писал её. Ему казалось, будто он лишился руки.

— Как же я без тебя буду жить, бабушка? — прошептал он. — Вот и стал я сиротой, бабушка. Один на всём белом свете.

Он про себя разговаривал с ней: «А ты меня раньше, бывало, маленького прижмёшь к себе и ласково говорила: кровиночка ты моя, сиротиночка. Вот только когда ты ушла, я по-настоящему почувствовал себя сиротой. Никто меня больше не выслушает, не пожалеет, не придёт ночью в мою комнату, чтобы поправить подушку и одеяло, сползшее с кровати».

Даниле стало жалко себя. Он закрылся пледом и тихо заплакал. Тётя Поля увидела, как вздрагивают под пледом Данилины плечи. Она взяла Сергуньку за руку и увела внука на кухню, чтобы дать Даниле выплакаться.

— Поплачь, поплачь, милок, — вот увидишь, тебе полегчает.

Сколько себя помнил Данила, он всегда жил с бабушкой, которая заменила ему и мать, и отца. Бабушка была коммунисткой до мозга костей. Всю сознательную жизнь она занимала руководящие посты, а выйдя на заслуженный отдых, не оставила дела: в совете ветеранов она с прежним рвением продолжала отстаивать права своих товарищей. Дома у них никогда не закрывалась дверь, и телефон — старый, чёрный, со времён Отечественной войны, почему-то казалось Даниле, — никогда не умолкал.

Квартира у них была большая, на третьем этаже трёхэтажного сталинского дома в центре города. Она перешла по наследству бабушке от её отца. Даже мебель в этой квартире никогда не менялась, а только что-нибудь приобреталось, но обязательно под интерьер того, что уже было. Прадед Данилы в своё время занимал весьма солидную должность, и бабушка унаследовала от него не только стальной характер, но и властный нрав.

Данилу она любила. У неё всегда для него находилось время — и сказку рассказать, и отвести в садик, когда он был маленьким, в школу, когда пришло время учиться, по всяким секциям. Она была строгой, каким должен быть отец,

внимательной и любящей, какой должна быть мать. И ласковой, и доброй бабушкой.

Когда ему исполнилось семь лет, перед первым сентября, играя со сверстниками на улице, он рассказывал, что завтра идёт в школу. Что бабушка купила ему школьную форму, красивый портфель, пенал и цветные карандаши.

На скамейке у подъезда сидели две бабушки, которые присматривали за своими внуками. Одна из них, сердобольная соседка тётя Нюра, услышав его рассказ, спросила:

— А мать-то приедет тебя провожать в школу?

Он посмотрел на неё непонимающими глазами и на её вопрос только переспросил:

— Какая мать?

Тётя Нюра в ответ ему высказала:

— Как какая? Да та, что тебя родила.

Тут она стала с соседкой по скамейке обсуждать его бабушку, что та неправильно воспитывает его. Что бабушка не имеет никакого права лишать его матери. Что она диктатор и

что выжила из ума совсем, старуха. Он смотрел на этих двух склочных бабок, сжимая кулачки, и сквозь зубы сказал им, что это они сами старухи, выжившие из ума.

— Вот грубиян, — сказала вдогонку ему баба Нюра.

Однажды он всё же не выдержал и спросил бабушку:

— Где мои родители и кто они?

Бабушка посадила его напротив себя, сказав, что он уже большой и она может ему рассказать. Кто такой его отец, она не знает, так как не видела его ни разу. А вот мать — это её непутёвая дочь, которую она родила в тридцать лет и ничего для неё не жалела, пока та росла и училась.

— Быть может, я виновата. Не надо было отпускать её из дома — здесь много учебных заведений. Но ей хотелось самостоятельности. И, уехав в другой город учиться после десятого класса, занялась совсем другим ремеслом, о котором я говорить не стану, вырастишь сам поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.